СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
Том 53 • № 1 • 1994

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. Н. САМОЙЛОВИЧ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ «БАБУР-НАМЕ»

Академик А. Н. Самойлович — выдающийся русский филолог широкого профиля: исследователь истории литературы и литературных языков тюркских народов Средней Азии, публикатор литературных текстов соответствующих периодов, автор ряда важных работ по тюркскому языкознанию, истории, этнографии, фольклористике. Будучи с 1934 г. директором Института востоковедения АН СССР, ученый был репрессирован и погиб, не успев осуществить многих творческих замыслов.

В рецензии на первые два выпуска перевода «Бабур-наме» его английской исследовательницей А. С. Беверидж А. Н. Самойлович сформулировал три принципиальных условия, без выполнения которых и в настоящее время не может быть осуществлен научный перевод.

Academician A. N. Samojlovič is an outstanding Russian philologist of versatile activities: the investigator of literature and standard languages of the Turkic peoples in Central Asia, the publisher of written materials from different periods, the author of a number of important works in Turkic linguistics, history, ethnography and folklore studies.

Since 1934 he had been director of the oriental studies Institute, he was repressed and perished not having realized many of his creative projects. In his review on the first publications of the translation of the «Babur-nama» by the English researcher A. S. Beveridge A. N. Samojlovič formulated three major conditions of scientific translation.

Академик А. Н. Самойлович (1880—1938) — одна из самых трагических фигур отечественной тюркологии. Будучи с начала 1934 г. директором Института востоковедения АН СССР, он был репрессирован и 13 февраля 1938 г. погиб в расцвете творческих сил, не успев осуществить многих своих замыслов. Смерть А. Н. Самойловича затормозила дальнейшее изучение истории тюркских литератур и литературных языков Средней Азии. Труды и само имя ученого вплоть до начала 60-х годов были окружены молчанием.

А. Н. Самойлович оставил глубокий след в истории русской тюркологии своими работами по языкознанию, литературоведению, фольклористике, этнографии и истории; сам же он считал предметами своей ближайшей специальности «историю литературы и литературного языка тюркских народов Средней Азии». Именно к этой специальности А. Н. Самойловича имеет отношение его рецензия «Новый перевод Записок Бабура», публикуемая ниже нами в результате наших личных архивных разысканий. В этой небольшой по объему рецензии на английский перевод двух первых частей «Бабур-наме», выполненный А. С. Беверидж и опубликованный ею в 1912—1914 гг., как в капле воды, отразилась методика работы Самойловича над текстом средневекового литературного памятника и его переводом. Полевой исследователь материальной и духовной культуры тюркских народов, А. Н. Самойлович ведет здесь спор с кабинетным ученым А. С. Беверидж, требуя от переводчика средневекового сочинения глубоких знаний не только языкового, но также историко-географического, исторического, этнографического и реально-бытового характера, детального учета достижений современных им востоковедения и тюркологии — не только западноевропейских, но и российских.

Талантливый ученик выдающегося тюрколога-лингвиста П. М. Мелиоранского, А. Н. Самойлович[1] воспринял от него интерес к лингвистической и лингвоисто-

[1] Подробно о судьбе ученого см.: *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880—1938)//Народы Азии и Африки. 1963, № 2, с. 243—264; его же. Александр Николаевич Самойлович 1880—1938//Тюркологический сборник. 1974. М., 1978, с. 8—27.

рической тематике. После внезапной кончины учителя в 1906 г. основные курсы последнего на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета перешли к его 26-летнему ученику.

Совмещая преподавательскую и научную деятельность в Петербургском университете с частыми поездками на Восток, А. Н. Самойлович занимался собиранием как живых образцов фольклора, так и рукописей, преимущественно старинных; исследование этих последних в совокупности составило впоследствии его «Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе».

А. Н. Самойлович продолжил дело своего учителя — научное издание литературных текстов. Под его наблюдением, с его предисловием и составленными им указателями вышло в свет посмертное издание П. М. Мелиоранского — «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха (СПб., 1908). В 1914 г. он перевел, издал, снабдив примечаниями и введением, туркменскую историческую поэму XIX в. «Книга рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттар казы. В 1917 г. издал «Собрание стихотворений императора Бабура» (Ч. I — Текст). Все эти издания отличаются филигранно отработанным научным аппаратом, причем автор стремится осуществить в возможной полноте сравнительное критическое сличение рукописей и списков.

Как продолжение последней работы мыслился ученым большой синтетический труд «„Турецкие этюды". Исследование по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков» (ГПБ. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 100; 1917—1918 гг., 872 лл.). Литературоведческий и лингвистический анализы сочинений писателей «среднего, или чагатайского периода» (XV — начало XVI в.) — Навои, Лютфи, Хусейни, Бабура и некоторых второстепенных поэтов — должны были сочетаться с публикацией образцов исследуемых поэтических текстов.

Главную часть труда предполагалось посвятить творчеству Бабура и прежде всего анализу языка его стихотворных произведений, вошедших в «Собрание стихотворений императора Бабура». Труд остался незавершенным, сохранился черновой автограф (чернилами и карандашом). С этим трудом связано планировавшееся Самойловичем создание «Грамматики чагатайского языка» (материалы и черновые наброски к ней — ГПБ. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 131; без даты) как результата его исследований и как пособия для тех, кому предстояло продолжать это направление тюркской филологии.

Труды ученого в этой области позволили ему выдвинуть концепцию исторически единого среднеазиатско-тюркского литературного языка; при этом трактовались вопросы его возникновения и развития, проблемы периодизации этого развития.

Внимание А. Н. Самойловича к главнейшему труду султана Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии — «Бабур-наме», несомненно, привлек его покойный учитель. Это объемистое прозаическое сочинение по своему жанру необычно для средневековой литературы: по своей структуре оно должно быть отнесено к так называемой промежуточной литературе. «Бабур-наме» справедливо сравнивают с Комментариями Юлия Цезаря [1. С. 11—12]; известны восторженные высказывания Дж. Неру об этой «восхитительной книге» [2. С. 58, см. также с. 36, 57]. В архиве Самойловича имеется экземпляр издания этого сочинения с владельческой надписью «Мелиоранский» — «Baber-nameh djagataice ad fidem codicis petropolitani edidit N. Ilminski» (Cazani, MDCCCLVII; Санкт-Петербургское отделение Архива РАН[2]. Ф. 782. Оп. 1, ед. хр. № 16). Экземпляр этот испещрен многочисленными пометами Самойловича. П. М. Мелиоранский, по словам Самойловича, руководил его первыми научными работами, одна из которых — рецензия на перевод С. И. Поляковым начальной части «Бабур-наме». Накоплению исследовательских заготовок по этому сочинению способствовало то, что Самойлович читал «Бабур-наме» со студентами старших курсов на

[2] Далее сокращенно СПбОА АН.

семинарских занятиях в 1903—1911 гг. Еще одна часть выписок, также весьма значительная, датируется летом 1915 г.

Систематическую работу над текстом «Бабур-наме» Самойлович вел по Керову списку (отдел рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, шифр Д 685), изданию его Н. И. Ильминским (Казань, 1857) и факсимиле Хайдарабадской рукописи, выпущенному в свет в 1905 г. английской исследовательницей этого сочинения А. С. Беверидж. Внимательно и критично читались ученым многочисленные статьи Беверидж, в которых она признавала Хайдарабадскую рукопись за «копию, сделанную с собственного манускрипта самого Бабура» [3, с. XVI], и незаслуженно резко критиковала работу Н. И. Ильминского по изданию Керова списка (достоинства этого списка ею также ставились под сомнение).

Планомерное сравнительное критическое сличение всех трех источников позволило А. Н. Самойловичу не согласиться с заключениями английской исследовательницы: «Беверидж несомненно переоценивает Хайдарабадский кодекс и заслуги его переписчика» (ГПБ. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 85, д. 27а). И далее: «Для меня ясно, что без издания Ильминского Беверидж не справилась бы вовсе с хваленым Хайдарабадским кодексом; так местами он искажен торопливостью переписчика» (там же, л. 29б). (О текстологической работе Самойловича см. [4].)

По мнению ученого, «...и после изданий Хайдарабадского списка материалу для установления точного текста „Бабур-наме"..., а — следовательно — и для окончательного его перевода, не достаточно» [5, с. 430].

А. С. Беверидж приступила к печатанию своего нового перевода этого сочинения, по словам А. Н. Самойловича, «раньше, чем успела закончить с достаточной полнотой сравнительное критическое издание различных списков и переводов Бабур-наме» (ГПБ. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 86, л. 23), и в 1912—1914 гг. выпустила препринтное издание — перевод первых двух частей («Фергана», 1912 и «Кабул», 1914).

А. Н. Самойлович не преминул отозваться на это издание — на заседании Восточного отделения Русского археологического общества он «прочел сообщение „О новом английском переводе записок султана Бабура"». По поводу прослушанного сообщения высказались Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и А. И. Иванов [6. С. XL]. Текст этого сообщения хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 86) и представляет собой автограф, выполненный карандашом на пожелтевшей некачественной бумаге (оборотки корректур словаря русского языка), 64 листа (точнее, полулиста), «без даты». Точная датировка, однако, содержится в первой же фразе — «почти ровно 10 лет тому назад в ноябре 1904 г.», т. е. 1914 г.

Текст этот, по сути дела, имеет вполне законченный характер, и можно лишь строить догадки, почему он не был опубликован автором своевременно в качестве рецензии: скорее всего, ученый решил дождаться выхода в свет последних выпусков перевода Беверидж («Хиндустан», 1917; указатели и прочий справочный аппарат, 1921). Однако в 1922 г., когда этот труд А. Беверидж был опубликован одной книгой [7], слишком многое изменилось в советской России, соответственно и в тюркологии: на первый план были выдвинуты практические задачи языкового строительства. А. Н. Самойлович был отвлечен от исследовательской работы необходимостью вести интенсивную научно-организационную деятельность, участвовать в создании новой письменности для младописьменных и бесписьменных языков. В письме к В. В. Бартольду от 20.VIII. 1927 (СПбОА АН. Ф. 68, оп. 2, ед. хр. № 219) он писал: «... теперь, ознакомившись ближе с запросами к нам на местах, я начал чувствовать, что мы — ленинградцы — должны поспешить с пополнением наших турковедческих сил, ибо наличным силам не справиться одним с той массой работы, которая возлагается советской эпохой на советского турковеда, действующего в научном центре страны».

Ныне рецензия А. Н. Самойловича на английский перевод «Бабур-наме» А. С. Беверидж публикуется впервые — через 80 лет, отчего она не утратила своей актуальности.

Выступая в своей критике нового перевода «Бабур-наме» как публикатор-текстолог высшей квалификации, полевой исследователь, тонкий знаток чагатайского языка и литературы чагатайского периода и учитывая всю специфику такого сложного сочинения, как «Бабур-наме», А. Н. Самойлович сформулировал три принципиальных условия, без выполнения которых не может быть осуществлен научный перевод подобного средневеково-тюркского литературного памятника при отсутствии его критического текста: 1) знание языка памятника во всех деталях и тонкостях, умелое привлечение материала таких фундаментальных словарей, как «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова; 2) предварительная серьезная текстологическая работа («сравнительное критическое сличение») над имеющимися списками памятника и их изданиями; 3) широкое и всестороннее знакомство с литературой — исторической, историко-географической, этнографической — как европейской, так и российской. Сформулированные А. Н. Самойловичем принципы остаются актуальными и в настоящее время по нижеследующим причинам. Во-первых, за истекшие 80 лет, к сожалению, так и не прибавилось материала для установления точного текста «Бабур-наме», следовательно, и для его окончательного перевода. Во-вторых, издания перевода этого памятника на русский язык [8, 9] по-прежнему опираются главным образом на факсимильное издание его текста [3] и, кроме того, на английский перевод его А. С. Беверидж; эти издания не предварены серьезной текстологической работой над памятником и сопровождаются облегченной разновидностью указателей.

Публикуемая ниже рецензия А. Н. Самойловича «Новый перевод Записок Бабура» нами подготовлена к печати, оснащена необходимыми примечаниями и библиографическими сносками. При этом в целом сохранены орфография и написания А. Н. Самойловича: Бабур-намэ (без кавычек), варьирование «Хайдарабадская» ~ «Хайдерабадская рукопись» («список», нередко вслед за А. Беверидж: «кодекс»), «старый английский (~ староанглийский) перевод», «турецкие» (вместо тюркские) языки и соответственно «турколог» (вместо тюрколог), каз.[ак]-кир.[гизский] (вместо казахский), аз.-тур.[ецкий] (вместо азербайджанский), Авганистан (Афганистан) и т. д.

По техническим причинам арабские написания заменены транскрипцией на латинской основе и кириллической транскрипцией для тех случаев, когда она предложена самим А. Н. Самойловичем в его статьях, опубликованных по этой тематике.

В квадратных скобках дописаны окончания слов, сокращаемых в скорописи чернового автографа, а также отмечены фрагменты текста, вычеркнутые, но важные для понимания развития авторской мысли, приведен необходимый минимальнейшей комментарий к тексту, указано на слова, неразборчивые в авторской скорописи. Их оказалось всего восемь на протяжении данного текста (при его относительно невысокой сохранности). Знаком астериска помечены слова, подчеркнутые автором.

Г. Благова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grand dictionnaire universel du XIX siècle/Par P. Larousse. T. 2. Paris (б. г.).
2. *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М., 1975.
3. *Beveridge A. S.* Preface//The Babar-nama/Ed. by A. S. Beveridge. Leyden—London, 1905.
4. *Благова Г. Ф.* Из истории тюркской текстологии. А. Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.
5. *Самойлович А.* Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века//Живая старина, 1912, год XX, вып. III — IV (1911).

6. Протоколы заседаний Восточного отделения Русского археологического общества//ЗВО РАО, 1915, т. XXII, вып. 3—4.
7. The Bābur-nāma in English/Transl... by A. S. Beveridge. London, 1922.
8. Бабур-наме. Записки Бабура/Перевод М. Салье, Ташкент, 1958.
9. *Бабур.* 1—2 кн. Ташкент, 1982.

А. Н. САМОЙЛОВИЧ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ЗАПИСОК БАБУРА

Первая моя рецензия, написанная по предложению и под руководством моего покойного учителя П. М. Мелиоранского почти ровно 10 лет тому назад в ноябре 1904 г. и напечатанная в XVII т. З. В. О., была посвящена оценке русского перевода Автобиографических записок императора Бабура, предпринятого С. И. Поляковым, перевод этот пришлось признать совершенно неудовлетворительным.

Начиная с 1900 г. англичанка Анна Беверидж стала выпускать [слово написано неразборчиво] статьи, касающиеся новой рукописи Записок Бабура, которая была найдена в Хайдарабаде и которая ныне известна под именем Хайдарабадского кодекса. В 1905 г. А. Беверидж подарила туркологам издание facsimile этого весьма известного памятника [1], продолжая в последующие годы выпускать отдельные статьи, так или иначе связанные с новой рукописью. [Многое.— зачеркнуто.] Кое-что из того, что писала А. Беверидж, удивляло меня, вызывало во мне сомнения, и я неоднократно порывался выступить с критической статьей, но все выжидал, пока в [Петербург; исправлено на:] Петроград вернется Керовский список Автобиографии Бабура, высланный по просьбе А. Беверидж в Англию.

Появление в свет издания Денисона Росса стихотворений Бабура индийского периода дало мне повод в рецензии на это издание коснуться вскользь работ А. Беверидж и пообещать рецензию на них [2]. Это было в ноябре 1910 г. В 1912 г. мне пришлось использовать изданный А. Беверидж Хайдарабадский кодекс в моем переводе отрывка из Бабур-намэ, напечатанном в «Живой Старине» под заглавием «Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века» [3].

[Вставка на отдельном листке:] И муж Анны Беверидж, [зачеркнуто: по-видимому] знаток персидских рукописей, придя на помощь своей жене, дал несколько заметок о творениях Бабура. [Далее зачеркнуто: «Второпях одно время я не заметил, что Бабуром занимаются двое Беверидж — Слава Богу, что этот мой прежний промах не увековечен мною в печати. Последнее выпало на долю А. Е. Крымского, который в последнем своем труде: История Персии, ее литературы и дервишской философии, т. III, № 1» — фраза осталась незаконченной].

Недавно в Азиатский Музей Академии Наук выписаны два тома последней работы Беверидж: «Записки Бабура. Новый перевод Бабур-намэ, с включением перевода Лейдена и Эрскина 1826 г.».

Судя по обложке вся работа займет 4 тома: вслед за вышедшими уже I и II томами, первый из коих заключает перевод Записок Ферганского периода жизни Бабура, а второй — Кабульского, выйдет III, посвященный последнему, Индийскому периоду жизни великого могола, и IV — с предисловием, указателями, картами etc.

Этот новый, английский перевод Бабур-намэ издается фирмой Лузак в Лондоне без обозначения годов издания [4].

Давно обещанный мною разбор работ А. Беверидж я вынужден снова отложить, на этот раз в ожидании выхода в свет последнего тома ее нового крупного труда. Однако выход двух томов нового перевода Записок Бабура является столь

выдающимся событием в туркологии, что я счел необходимым поспешить с [?неразборчиво] предварительным о них сообщением.

Для предварительной оценки работы А. Беверидж я ограничился беглым просмотром обоих томов и более подробным разбором трех отрывков из первого тома, а именно: 1) описания Ферганы, имеющегося в русском переводе Пантусова [5], 2) описания Самарканда, имеющегося в русском переводе Вяткина [7] и 3) описания обряда завораживания бунчуков, переведенного мною [3].

Внешний вид издания производит очень выгодное впечатление. Сплошной текст подлинника в переводе разбит весьма удобно на мелкие отрывки по содержанию с особыми заголовками, составленными переводчицей. На полях обозначены №№ листов Хайдарабад[ского] кодекса. Перевод обильно снабжен подстрочными примечаниями историко-географического, исторического, лингвистического и реального характера. На нечетных страницах сверху указаны мусульм[анские] и христианские даты описываемых событий, на четных — название данного тома, т. е. I — Фергана, II — Кабул. В конце первого тома, на с. 182—[18]5 имеется заметка переводчика о бегстве Бабура из Ферганы в Авганистан, а далее следуют приложения с римской пагинацией: A — о древнем Ахсы, B — о птицах kыл kуйруг и багри kара, C — о слове gosha-gīr, D — о выпущенном (в переводе) отрывке об избавлении Бабура от смерти (Ильм. 144) [8]. Этот отрывок Беверидж признает позднейшей, не-Бабуровской вставкой.

Во II томе находим большую заметку переводчицы на с. 347—366, восполняющей пробел в дневнике Бабура. Перевод во II томе кончается на с. 425, а далее опять переводчица восполняет на с. 426—444 пробел подлинника. В приложении ко II тому (XVII—XLIII) разъясняет ряд географических имен, дана заметка об имени Sih-būd [?неразборчиво] (XXV) и другие. Часть этих заметок вышла раньше отдельными статьями.

Из примечаний и приложений к переводу несомненно явствует, что А. Беверидж отнеслась к своей задаче весьма добросовестно. Печать добросовестности лежит и на всех прочих ее работах о Бабуре. Для разъяснения и обоснования своего перевода Беверидж привлекла сама и чрез своих сотрудников огромную литературу. [Далее зачеркнуто: «Таким образом, с первого взгляда казалось бы, что столь старательно обработанный новый перевод Записок Бабура» — фраза не закончена.]

Самый перевод сделан с нового, Хайдарабадского кодекса, причем последний сличался со всеми доступными переводчице другими списками Бабур-намэ, включая Керовский, с персидскими переводами и с европейскими: английским Лейдена и Эрскина [9] и франц[узским] P. de C[ourteille] [10].

В общем, с первого взгляда получается впечатление, что ни один из прежних европейских переводов якобы [?неразборчиво] не исполнялся на таких исправных [?неразборчиво] и прочных началах, как перевод Беверидж.

Однако детальное изучение трех отрывков из перевода Беверидж убедило меня в том, что первое впечатление оказывается в значительной мере ошибочным. Я укажу три, по-моему, главных причины тех промахов переводчицы, которые я заметил в изученных мною отрывках ее работы.

Во-вторых, Беверидж не успела еще достаточно сродниться с турецким языком, и в частности с языком чагатайским. Язык этот продолжает оставаться для нее в большей мере чем-то далеким. На каждом шагу, по пустяшным поводам, она обращается за поддержкой к словарям и грамматикам, причем выбор и тех и других свидетельствует, что переводчица по каким-то причинам обставлена по части языковых пособий довольно бедно. [Далее зачеркнуто: «При отмеченной мною сегодня в первом сообщении неизученности чагатайского языка нельзя переводить чагатайские тексты без привлечения грамматических и словарных и других языковых пособий по тем турецким наречиям и языкам, которые изучены более чагатайского. Среди этих пособий менее других годны относящиеся к османскому языку».]

Беверидж, как и другие западноевропейские ориенталисты, страдает пристрастием к османским пособиям, видимо, отчасти потому, что они обычно составляются на западноевропейских языках, пособий же по другим языкам, изучаемым преимущественно в России, она не касается даже тогда, когда эти пособия на немецком языке. Для Беверидж не* существует, например, Словаря Радлова, без которого не может обойтись ни один турколог.

Сколь чужды г-же Беверидж турецкие наречия, видно из того, что она была принуждена отказаться от транскрипции турецких слов по их произношению, а транскрибирует их согласно араб[скому] начертанию буквенно.

Беверидж не могла справиться с обычной чагатайской арх[аической] формой 1 л. мн. ч. желат[ельного] накл[онения] на -алаӈ, которую она толкует столь же фантаст[ически] и беспомощно, как известный [?неразборчиво] семит[олог] Halevy толковал соответствующую форму в османском языке на -алын.

Третья [читайте: вторая] причина промахов Беверидж та, что она, при всей своей добросовестности, приступила к печатанию перевода раньше, чем успела закончить с достаточной полнотой сравнительное критическое изучение различных списков и переводов Бабур-намэ. Возможно, что переводчица слишком доверяла Хайдарабадской рукописи, ею изданной, в то время как эта рукопись местами несомненно дефектна.

Третья причина — крайне слабое знакомство с русскими работами по Средней Азии и в том числе с работами о Бабуре. Треть Записок Бабура посвящена им периоду, проведенному им в Туркестане. Переводить и комментировать текст этого периода без привлечения русских работ значит в лучшем случае совершать непроизводительный труд, а в худшем — пятиться назад.

I

Первые страницы Бабур-намэ, посвященные географическому описанию Ферганской области, имеются в русском переводе Н. Н. Пантусова, исполненном по предложению проф. В. В. Григорьева и напечатанном в Зап. И[мп.] Р[осс.] Г[еогр.] Об[щества] по отд. этн. в 1880 г. [5], т. е. после старого английского и французского переводов. Последнего Пантусов не упоминает. Он пользовался еще Клапротовским переводом отрывка о Фергане [11]. Кроме издания Ильминского переводчик пользовался отрывком, изданным в Тур[ецкой] хрест[оматии] Березина [12]. Перевод Пантусова, напечатанный в 1880 г., был сделан до 1871 г., когда вышел перевод P. de C. [Паве де Куртейля] (см. еще с. 173).

Для комментирования своего перевода Пантусов привлек богатую историко-географическую литературу мусульманскую, китайскую (в переводе) и европейскую. Г-же Беверидж этот перевод остался неизвестным и таким образом ей пришлось заново собирать материалы для комментирования, в большинстве случаев удачно собранные Пантусовым. [Зачеркнуто длинное рассуждение о чтениях Тарар, Отрар, Тараз, о том, что Пантусов не решился признать правильным отожествление Тараза с современным Аулие-Ата, а Беверидж это отожествление принимает.]

Говоря о сопредельных с Ферганской областью странах и городах, Бабур упоминает город Янгы, указывая, как этот город именуется в книгах. Хайдараб[адская] р[укопись] дает чтение Отрар, издание Ильминского — Тарар. В старом английском переводе мы находим Отрар, во французском — Тарар. Беверидж установила то чтение, которое уже установлено Пантусовым: Тараз.

В словах Бабура о низовьях Сыр-дарьи и в старом английской переводе, и французском, и [переводе] Пантусова слово дäрйа принято за реку, Беверидж предлагает понимать это слово в таком месте как море* (Аральское). Судя по контексту, это новое толкование хуже старых: hич дäрйага kатылмас.

* Подчеркнуто А. Н. Самойловичем. Далее в подобных случаях в тексте проставляется звездочка.

Стар[ый] англ[ийский] и франц[узский] переводы понимали термин kасаба как «округ». Беверидж переводит его «город»; так перевел и Пантусов.

Слово нашпáти принято было Эрскином, P. de C. [Паве де Куртейлем] и Клапр[отом] за название сорта дынь. Пантусов совершенно определенно доказал, что это не дыни, а груши. Беверидж колеблется между дынями и грушами.

Спорное место относительно орошения г. Андижана понято г-жей Беверидж так же, как в старом англ[ийском] переводе и во франц[узском]: «В Андижан вода входит девятью каналами. Удивительно то, что она ни в одном месте не выходит (из города)» [13], т. е. вся остается в нем. Клапрот и Пантусов поняли иначе, и их перевод, по-видимому, поддерживается персидским переводом Абдуррахима [15]. Бабур говорит: бу 'аджаб тур ким бир йердин häм чыkмас. Персидский перевод: häме äз йäк джá häм нä-мибáрайад. Перевод Клапрота и Пантусова: «Удивительно, что вода в них проведена из разных мест». Возможности такого понимания Беверидж не предусмотрела.

В описании андижанских фазанов P. de C. [Паве де Куртейль] и Пантусов следовали тексту Ильминского, который не совпадает с текстом Хайдераб[адской] рук[описи]. Перс[идский] перевод Абдуррахима подтверждает чтение Хайдераб[адской] рук[описи]. Здесь вместо искäнä 'ляжки' Ильм[инского] находим алиф, шин, кяф, нун, ха-и хэвэз. Эрскин читал это слово Ishkaneh без всякой мотивировки. Беверидж разлагает это слово, по-видимому, не турецкое, на турецкое аш «пища» и кінä — уменьшительная приставка — и толкует его как название блюда из риса и зелени без всяких ссылок. Уменьшительное от аш мы ожидали бы аш-kына, а не аш-кінä. Во всяком случае это слово остается сомнительным.

Беверидж не настаивает по понимании слова хадис в применении к Ошу как 'священное предание'. За таковое его принимают стар[ый] англ[ийский] и франц[узский] переводы. Пантусов высказывается против возможности существования хадисов об Оше, но бар[он] Розен в примеч[ании] к переводу Пантусова решительно ему возражает, а Беверидж об этом ничего не знает.

До Бевер[идж] никто из переводчиков не брался за отожествление [идентификацию] названия «Андижанская река». Бев[еридж] находит, что это [?неразборчиво] Ак-бура (-буга?). Если она права, то вот один из положительных результатов ее разысканий.

В двух случаях перевод Бев[еридж] не совпадает ни с Хайд[арабадской] рук[описью], ни с изд[анием] Ильминского, и это вовсе не оговаривается. По-видимому, это — небрежность.

Крупным промахом приходится признать примечание Бев[еридж] о значении слова сарт в Бабур[овское] время. Совершенно неверно, будто бы Бабур под сартами разумел оседлое население независимо от племени и национальности. Сарты Бабура — это иранцы, персы; достаточно сослаться на то место в его Записках, где сартовский язык *сартчä* противопоставляется турецкому *тюркчä* (Ильм. 332).

Название горы к северу от Ходжента приводилось всеми прежними переводчиками в искаженном виде. Следуя Хайдар[абадской] рук[описи] Беверидж читает Muñughul, и это чтение ближе всего к современному названию горы Моғул-тау. Беверидж, однако, не знает, что вопрос этот был выяснен Н. И. Веселовским в примечании к переводу Пантусова [5. С. 195 примеч. 2 к авторскому примеч. 50].

Г-жа Б[еверидж] затруднилась понять описание крепости Ахсы, главным образом, из-за турецкого слова яр* и поэтому дала в приложении особую заметку о древнем Ахсы.

Загадочное сравнение Касанских садов с какой-то шубой и г-жей Б[еверидж] окончательно не разгадано.

В общем отрывок о Фергане в новом переводе Беверидж передан местами хуже, чем в старых переводах, местами дает новое сравнительно с переводами староангл[ийским] и франц[узским], но не русским. Абсолютно нового в переводе

данного отрывка Беверидж и ее примечаниях очень мало. Во всяком случае полный и точный перевод этой интересной во многих отношениях части Зап[исок] Баб[ура] и после нового перевода А. Беверидж остается делом будущего.

II.

Отрывок из Записок Бабура, описывающий город Самарканд, был переведен на русский язык известным знатоком самаркандских древностей Вяткиным и напечатан в 1896 г. в Справ[очной] книжке Самарк[андской] области [7]. Перевод сделан только по изданию Ильм[инского]. Существующих переводов Вяткин не привлекал. Имеющиеся в переводе недоразумения объясняются исключительно неисправностью некоторых мест в издании Ильминского. Главное достоинство работы Вяткина то, что он отожествил [в современной терминологии: индентифицировал] ряд пунктов в окрестностях Самарканда, ранее не отожествленных. Есть еще русский перевод Островского, который я не видал [16].

Особых затруднений в отрывках о Самарканде в тексте Записок Бабура не имеется, так что, пользуясь новой, Хайдер[абадской] рук[описью], можно дать более или менее окончательный перевод.

Не зная работы Вяткина, г-жа Беверидж принуждена была оставить без пояснений большинство пунктов, выясненных Вяткиным. Из русских работ о Самарканде г-же Беверидж известны только работа Костенко и издание Мечети Самарканда, которое она называет изданием П. Арх. Общества. [Петербургского археологического общества?]. О работах В. В. Бартольда — ни звука. Г-же Беверидж вовсе неизвестно об открытии обсерватории Улуг-бега, о чем писалось в России даже в широкой прессе.

То немногое новое, что дано в переводе Беверидж, объясняется достоинствами новой Хайдераб[адской] рукописи. Уже Блоше, например, на основании этой рукописи отметил, что в медресе, основанном Мухаммед-Султан-мирзой, был похоронен Тимур-бег, а не дочь* Тимур-бега [17]. (В изд[ании] Ильм. вм[есто] каф, ба, ра, йай стоит каф, йай, за, йай.)

По Хайдар[абадской] рук[описи] монголы и турки звали Самарканд — Семиз-кент, а не Семеркенд, как значится в изд[ании] Ильм[инского] и старых переводах, но кто прав, мне неизвестно.

И в своем новом переводе отрывка о Самарканде г-жа Беверидж сделала два-три промаха, совершенно, собственно, непростительных для лица, взявшегося за такой ответственный труд, как новый перевод Записок Бабура. В данном случае дело касается арабского языка. Известный мусульманский шейх Абуль-Мансур называется по месту рождения Матуриди, или Матриди, что легко можно узнать по целому ряду сближений с указателями [18]. P. de C. [Паве де Куртейль] дает верное чтение, Вяткин приводит, очевидно, местное название, Мотыриди, а Бев[еридж] без всяких объяснений читает Mātarīd.

Мечеть к югу от медресе Улуг-Бега называлась Месджід-і-Мукатта, как правильно у P. de C. [Паве де Куртейля] и Вяткина, но здесь Беверидж сохранила неправильное чтение староангл[ийского] перев[ода] Masjid-i-maqaṭa.

Но третий пример особенно разителен. Беверидж включила в текст коранического стиха слова элаахэ́рэ, употребляемые при сокращении цитат в смысле наших «и т. д. до конца». Транскрипция арабского стиха неверная.

Для русского ориенталиста представляются совершенно излишними рассуждения Беверидж о том, что название одного из ручьев под Самаркандом читается Kani-ril, а не Kani-ryl, как читали Эрскин и P. de C. [Паве де Куртейль]. Вяткин дает правильное произношение.

Для турколога странно выглядит особое примечание об известном слове куруг «заповедное место», да еще со ссылками на словари Vullers'a, Zenker'a, Shaw.

Еще страннее, наконец, выглядит, как г-жа Беверидж перевод[ит] араб[ское] слово тоур, вошедшее не только в лит[ературную], но и народную среду — аз. тур. язык в значении «хороший*; порядочный» (по каз.-кир. тäўр), словом

'круглый'* со ссылкой на Словарь Zenker'a, в котором она выбрала, очевидно, слово осм. *тор*, не представляя, что в тур[ецком] слове в чаг[атайской] рукописи найти изображение *т* через ta-i hotti довольно трудно.

Наше заключение о II отрывке из перевода Беверидж то же, что и о I. Кое-что дано нового, но кое в чем сделан шаг назад, и опять же окончательный перевод этого отрывка — дело будущего.

III

Описание обряда завораживания бунчуков находится в переводе А. Беверидж на с. 154—155. Отрывок озаглавлен: «The acclaiming of the standards» — «Отдание чести знаменам». По-моему, судя по этому заголовку, переводчица недооценила значения этого отрывка. Я отстаиваю свой заголовок: «Завораживание* бунчуков». В стар[ом] англ[ийском] переводе дан заголовок: «Церемония монгольского смотра»*.

В тексте Хайдар[абадской] рук[описи] называются два пункта Самсирек и Бискент. Бискет [~ Бискет] — это, как я указал в своем переводе со ссылкой на «Туркестан» В. В. Бартольда [19, с. 175], по-видимому, нынешний Пскент. Бев[еридж] почему-то исправляет чтение на Бишкент, как в издании Ильминского и в переводах старом английском и P. de C. [Паве де Куртейля]. В перс[идском] переводе Абдуррахима правильно Бискет. Я перевел, что между Бискентом и Самсиреком войско было выстроено, и ему «произвели смотр»*. Словом «смотр» я перевел имеющееся в Хайдер[абадской] рукописи и в переводе Абдур[р]ахима неизвестное* слово «дим» или «дым». И А. Беверидж этого слова не разгадала. В примечании к своему переводу я отметил, что в другом месте этому слову в издании Ильминского соответствует известное слово сан «счет»*, этим словом А. Беверидж и перевела слово «дим» («дым»). Я не отказываюсь от своего перевода, имея в виду предписание Ясы Чингиз-хана в пересказе Макризи: «Лично делать смотр войску и вооружению перед выступлением на битву». Перевод слова «дим» и даже «сан» в данном случае через «подсчет людей» слишком, по-моему, дословен. В следующей фразе в рукописи Хайдер[абадской] употреблено выражение туг джадылар. Бев[еридж] переводит: «the standards were acclaimed». Место это нуждается в примечании, так как чтение Хайдар[абадского] кодекса расходится с чтением издания Ильминского, и старый английский перевод расходится с переводом P. de C. [Паве де Куртейля]. К моему удивлению, А. Беверидж обошла это место полным молчанием. Я нахожу чтение Хайдерабадского кодекса в данном месте сомнительным, так как слово джадылар, по-моему, переводу не поддается. Принимая во внимание персидский перевод Абдуррахима, где стоит *тугһа бестенд*, я допустил, что вместо *джадылар* следует читать *джадыладылар*. Недоразумение легко объясняется тем, что в этом слове дважды повторяются [графически.— *Г. Б.*] почти тожественные части [= морфемосочетания.— *Г. Б.*] -ды-ла и -ды-лар. При моем чтении мы получаем глагол со значением 'заворожили, заколдовали', и это вполне вяжется с шаманским обрядом, который ниже описывается.

Во введении к своему переводу я заявил, что не считаю его окончательным как вследствие неразработанности чагатайского словаря, так и вследствие неустановленности текста Бабур-намэ даже после издания Хайдераб[адского] кодекса.

В понимании описания самого шаманского обряда завораживания я существенно расхожусь с А. Беверидж. Прав, по-видимому, я [написано поверх зачеркнутого: «Кто из нас прав, мне неясно»]. В своем переводе я отступаю от текста Хайдераб[адской] рукописи там, где она расходится с персидским переводом Абдуррахима и соответственно также со старым англ[ийским] переводом. По-моему, обряд совершался не одним монголом, как понимает Беверидж, а двумя. Один монгол, по-моему, был шаманом, а другой — его помощником, как это часто наблюдается при шаманских обрядах.

Первый акт обряда я перевел согласно с текстом Хайдар[абадской] рук[описи] и старым английским переводом. Беверидж же перевела по-своему.

У меня: «Один монгол, привязав длинную белую бязь к бычачьей берцовой кости, взял (эту кость) в руку».

У Беверидж: «Один монгол привязал длинный кусок белого холста к берцовой кости коровы, а другой конец* (холста) взял в свою руку».

Второй акт обряда я перевел согласно редакции персидского перевода Абдурахима и староангл[ийского] перевода, Беверидж же осталась при тексте Хайдераб[адской] рукописи, в данном случае туманном.

У меня: «А другой (монгол), привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов, пропустил их под бунчучными древками».

У Беверидж другого* монгола нет, а дело представлено безлично. Слово 'другой' «дигер» из персидского перевода использовано, но в применении не к монголу, а к кускам холста: «Три других длинных куска белого холста были привязаны» и т. д.

Третий акт нами переведен по существу одинаково.

Текст четвертого акта в рук[описи] Хайдераб[адской] представляется странным. Беверидж этого не отмечает, но дает перевод, расходящийся с текстом Хайдераб[адской] рукописи и с моим переводом, который и здесь следует за персидским переводом, за староанглийским и, наконец, за текстом Ильминского.

У меня: «Тот монгол, который эти куски привязывал, взяв в руки обвязанную бязью бычачью берцовую кость (разумеется: из рук своего помощника), произнося что-то по-монгольски и обратившись к бунчукам, делает знаки».

У Беверидж данный акт проделывается тем же монголом, который выступал в первом акте, причем из сличения текста с переводом усматривается полное их расхождение. В тексте [зачеркнуто арабское написание фрагмента.— *Г. Б.*]. «Тот монгол, взяв в свою руку бычачью берцовую кость, обвязанную бязью». У Беверидж: «Монгол, который держал кусок холста, привязанный к коровьей голени». То есть совсем наоборот!

Шестой акт, брызганья кумысом, недоразумения не заключает. В седьмом и восьмом актах, игры на гобоях и барабанах и провозглашении боевого клича, в переводе Беверидж ясно видно непонимание текста. Турецкое выражение «бир йолы» значит только один раз* или сразу*. В данном случае сразу*, как в старом англ[ийском] переводе, а не один раз, как у меня. Беверидж дважды переводит совершенно ошибочно: по направлению к ним* (бунчукам), и в примечании оговаривается: дословно «их один путь». Здесь надо поставить по крайней мере три sic!!!

В последнем акте перевод Беверидж расходится со староангл[йским] и моим. Слово «дурин», появляющееся только в Хайдерабадском кодексе, мною понято как персидское и переведено: вдаль*. Беверидж его переводит вокруг* (знамени), принимая [его] за арабское «давр» с турецким окончанием. Правда, пожалуй, в данном случае на ее стороне, общее же впечатление от новейшего перевода этого отрывка таково, что переводчицей здесь сделан значительный шаг назад* сравнительно со старым английским переводом 1826 года.

В общем долголетний и упорный труд Беверидж над Записками Бабура дает в итоге, можно полагать [неразборчиво], положительные результаты, но во всяком случае мы имели право ожидать гораздо большего, принимая во внимание современное состояние востоковедения вообще и туркологии в частности и особенно то обстоятельство, что Записки Бабура были уже два раза переведены полностью [на западноевропейские языки] и еще несколько раз в отрывках. [Зачеркнуто: «Жаль! Жаль, того»].

Работа Беверидж лишний раз показывает, как отстала западноевропейская туркология. Вспоминаются слова Пантусова: «Вообще, что касается до тюркских наречий, то нужно относиться ко всякого рода трудам по этому предмету западных ориенталистов с наибольшим скептицизмом, так как изучение для них тюркских языков не так сподручно и удобно, как для наших русских ориенталистов».

[Далее зачеркнуто: «И понятен призыв Ильминского к русским туркологам, взятый мною эпиграфом к моей последней работе» [20].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The Babar-nama/Ed. Beveridge A. Leiden—London, 1905.
2. *Самойлович А.* Рец. на кн.: E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur//ЗВО РАО, 1911. Т. XX. Вып. 1. С. 093—094. Примеч. 1.
3. *Самойлович А.* Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI века//Живая старина, 1912. Год XX. Вып. III—IV (1911).
4. Это издание было своего рода пре-принтом изданного исследовательницей полного перевода памятника: The Babar-nama/Translat. by A. S. Beveridge. London, 1922.
5. *Пантусов Н. Н.* Фергана. По «Запискам султана Бабура. СПб., 1884 (отд. отт. из «Записок Имп. Русского географического общества, по отделению этнографии», т. VI). А. Н. Самойлович заметил, что самый перевод занимает всего неполных семь страниц (стр. 167—173), «а стр. 174—199 заняты поучительными примечаниями исторического, географического, этнографического, естественно-исторического и лингвистического характера, *числом 67*» [6. С. 075 примеч. 1; курсив автора.— *Г. Б.*]
6. *Самойлович А.* [Рец. на:] Поляков С. И. Записки Бабера//ЗВО РАО, 1907. Т. XVII (1906).
7. *Вяткин В.* Самарканд и его местности в прошлом, по описанию Султана Бабура мирзы//Справочная книжка Самаркандской области на 1896 год. Вып. IV. Самарканд. 1896. А. Н. Самойлович имел случай подчеркнуть, что и этот «перевод обильно снабжен сносками преимущественно историко-географического характера» [6. С. 075, примеч. 1].
8. Бабер-намэ или Записки Султана Бабера/Изданы в подлинном тексте Н. И. Ильинским. Казань, 1857; для этого издания автор пользуется сокращением «Ильм».
9. «Перевод Лейдена и Эрскина» — имеется в виде: Memoirs of Zehired-Din Muhammed Babur/translat. by J. Leyden, W. Erskine. London, 1826 (переиздание — London, 1921).
10. *Mémoires de Baber*/Traduits par Pavet de Courteille. Paris, 1871.
11. Archiv fur asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde/Verfasst von J. Klaproth. Bd. I. St.-Pb., 1810.
12. *Березин И. Н.* Турецкая хрестоматия. Казань, 1857.
13. Такого же перевода придерживался М. А. Салье [14. С. 12].
14. Бабур-наме. Записки Бабура/Перевод М. Салье. Ташкент, 1958.
15. «Бабур-намэ мевсум бе-тузук-и Бабури ве футухат-и Бабури». Бомбей, 1308 г. х.
16. *Островский В.* Самарканд по Запискам султана Бабура//Туркестанские ведомости, 1895, № 71.
17. «The Bäbar-näma/ed. by A. Beveridge»/Critical notice by Blochet E. Hertford, 1906 (отд. отт. из: JRAS, 1906. С. 1015—1020).
18. См. в частности: Абул-Мансур Матуриди [14. С. 484].
19. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. II. СПб., 1900.
20. Имеются в виду следующие слова Н. И. Ильминского: «В сухих, неблагодарных занятиях пусть одушевляет вас мысль, которая должна быть вам всегда присуща, что тюркская филология есть довольно обширное и мало возделанное поле, предоставленное, по географическому положению России, в удел отечественной науки» [21. С. 42; 22].
21. *Ильминский Н. И.* Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка//Ученые зап. Казан. ун-та. Казань, 1861, кн. 3.
22. Слова Н. И. Ильминского приводятся в качестве эпиграфа в работе: *Абду-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века/Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович. СПб., 1914 (Издания факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета. № 34).

СПИСОК ТРУДОВ А. Н. САМОЙЛОВИЧА, УПОМИНАЕМЫХ В ПУБЛИКУЕМЫХ МАТЕРИАЛАХ

1. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. I. Краткая опись среднеазиатских рукописей собрания А. Самойловича//ЗВО РАО, 1910. Т. XIX (1909). Вып. 1. (Зап. Вост. отд. Рус. арх. об-ва).

2. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II. Третье дополнение к указателю песен Махтумкули. III. Стихи Доулет-Мамеда моллы, отца Махтумкули//ЗВО РАО, 1914. Т. XXII. (1913—1914) Вып. 1—2.
3. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи//Записки Коллегии востоковедов. Л., 1927. Т. 2. Вып. 2.
4. Четверостишия—туйуги Неваи//Мусульманский мир. Вып. I. Пг., 1917.
5. Литература турецких народов//Литература Востока. Сборник статей. Пг., 1919. Вып. 1.
6. Из туюгов чагатайца Эмири//Докл. Академии наук. Сер. В. 1926, май—июнь.
7. Чагатайские туюги Лютфи//Докл. Академии наук. Сер. В. 1926, май—июнь.
8. Отрывок из «Теашшук-намэ» с игрою рифмующихся слов//Докл. Академии наук. 1927. № 2.
9. Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями//Сов. тюркология. 1973. № 5. Незаконченная статья 1918 г. (ГПб. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 126), опубликована посмертно.
10. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка//Сб. Мир-Али-Шир. Л., 1928.
11. «„Турецкие этюды". Исследование по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков» (ГПб. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 100).
12. Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I.— Текст. Пг., 1917.
13. «Тексты стихотворений Бабура и переводы их, сделанные Самойловичем. С предисловием Самойловича» (ГПб. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 82, без даты; косвенная датировка — конец 1915—1916 г.).
14. Рец. на кн.: *Поляков С. И.* Записки Бабера//ЗВО РАО. 1907. Т. XVII. (1906).
15. «Записки и словарь, составленные А. Н. Самойловичем для чтения текстов Бабура со студентами» (авторское название варьируется: «Бабэр-намэ. Издание Ильминского. Слова», «Слова к Бабэр-намэ. С. 1—98. Издание Ильминского. СПб. [1]903/[190]4. А. Самойлович» (ГПб. Ф. 671, разр. II, ед. хр. № 74).
16. «Слова к Бабер-намэ. С. 98—257. Издание Ильминского. СПб. [1]904. А. Самойлович» (Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 782, оп. 1, ед. хр. № 16).
17. «Выписки из „Бабур-намэ", прочитанного подряд в Териоки в 1915 году с 20-х чисел мая до 6 июля» [ГПб. Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 85 (89 лл.)].
18. «Бабур. Описание Самарканда с его окрестностями. По изданиям Ильминского и Beverige и по переводам Вяткина, Полякова, Островского, Эрскина, Паве де Куртейля и Мирзы Рахима» 1907 (ГПб. Ф. № 671, разр. IV, ед. хр. № 84, 25 лл.).
19. *Абду-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века/Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович. СПб., 1914.